

КУКОЛЬНОСТЬ КАК МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «СИНДРОМ ПЕТРУШКИ»

Зарубина Е.В.

*Зарубина Екатерина Владимировна - студент магистратуры,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск*

Аннотация: в статье рассматриваются проявления мотива двойничества в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» через кукольность в произведении. Выбор персонажей: кукольник и его жена. Создание иной реальности в романе с помощью введения двойников.

Ключевые слова: кукольность, двойничество, мотив.

«Синдром Петрушки» – это третья, заключительная часть трилогии «Люди воздуха» Дины Рубиной. В данном романе повествуется о людях и куклах: история кукольника Петра Уксусова, создающего «иную реальность», и его «кукольной» жены Лизы. Все произведение пронизано мотивом кукольности. Сама по себе кукольность двойственна, потому что всегда есть оригинал и двойник, противоположные борющиеся элементы.

Главный герой романа Петр Уксусов – коллекционер кукол и кукловод часто не может разделить реальный мир и мир кукольный. Его жизнь – это танец марионеток. И кажется, что основной его мерой оценивание становится кукольность. Петр преображается при виде кукол, показывая «настоящее лицо». Эта одержимость центрального героя прослеживается на протяжении всего романа: детская привязанность к кукле-младенцу, сохранившаяся на протяжении всей жизни; создание куклы Эллис в качестве копии живого человека, укрывание куклы, ложь и обман во имя продолжения дела и танец с пустотой в эпилоге. В финале вскрывается возможная причина проблемы дwoящейся реальности в сознании Петра – эта невозможность отказаться от творчества, так как его увлечение куклами сходно с болезнью, влияние которой прямое или косвенное испытывают на себе все, кто окружают Петра.

Через соотнесение главного героя романа с фольклорным персонажем Петрушкой, мы наблюдаем ряд сходств, которые отражают идею двойничества в произведении:

1. В «Синдроме Петрушки» мы встречаем употребление имени Петрушки по отношению к герою наряду с другими формами имени – Петя, Петька.

2. Во внешности кукольника прослеживается уподобление типичной внешности фольклорного персонажа: "За спиной сидел странный дяденька, похожий на индейца: впалые щеки, орлиный нос, выгнутый подбородок, косичка на воротнике куртки. Самыми странными были глаза: цвета густого тумана..." [1, 9]. Это сходство с балаганным шутком очевидно даже юному Петру, и он отторгает такое уподобление: "не хочу я им быть" [1, 118].

3. Главный герой на протяжении всего романа сравнивается с куклой: "...позади он: с жесткими, как вага, сутулыми плечами и скованной походкой, смахивающий на марионетку больше, чем все его куклы, вместе взятые" [1, 30].

4. Как и в театре, Петр будучи исключительной личностью, отношения которой с миром и окружающими людьми особенные, исполняет главную роль в произведении.

В отличие от фольклорного персонажа Петрушки Уксусов – личность трагическая, потому что его жизнь невозможна без творчества Высшему Промыслу. Утверждение Петра о кукольном деле: «искусство оживления кукол по природе своей может быть только трагикомичным» [1, 50], подтверждается на примере его собственного характера и судьбы: двойником трагической личности кукольника становится образ комического Петрушки, сопровождающий Петра всю жизнь. Одна из причин трагизма личности Петра: двойственность жизни, в которой он ему сложно различать жизнь настоящую и жизнь кукол.

«... Главное же – Лиза, моя Лиза, моя «главная кукла»... вовсе куклой не была. Она, как и моя мать, была насквозь и до конца – человеком» [1, с. 448].

Главная кукла Пети – это его жена Лиза, в которую он был влюблен с детства. Уксусов «делает Лизу под себя»: с самого детства ее растили как живую куклу. Она совершенно не приспособлена к жизни, к жизни без своего кукольника Петра. Лиза любила руки Пети, подобно марионетке: становится лишь куклой в его руках и не сопротивляется этому.

Главный герой создает «другую Лизу» – куклу Эллис: «копия точная до оторопи; настолько точную, что делалось страшно» [1, с. 64]. Эллис в отличие от Лизы была «абсолютным владением» Петра, полностью принадлежа ему. Во сне Уксусова Эллис оживает, вставая на одну ступень с Лизой, и он уже «не в силах отличить одну от другой» [1, с. 453]. Возникает вопрос, что является настоящим? В развитии романа мы наблюдаем замещение оригинала Лизы двойником Эллис. В своем выступлении, «в конце которого «кукла Лиза» вдруг «оживала» под изумленные аплодисменты», с Эллис все было наоборот:

«одушевить куклу до такой степени, чтобы ни у кого из зрителей не возникло сомнения в ее человеческой природе» [1, с. 67]. Петр берет Эллис даже для встречи своего друга Бориса в аэропорту: «увидел, как Лиза машет мне приветственно рукой, устремился к ним и... да, это был изрядный шок» [1, с. 67]. Рассматривая роман, мы замечаем, что Петя всегда говорит об Эллис, как о человеке, а о Лизе, как о кукле. Становится не понятно, кто же на самом деле является куклой, а кто человеком. Лиза понимая, что кукла уведет ее мужа, пытается с этим бороться. Она уничтожает «замечательное создание, самую искусную куклу», которая отнимает ее мужа. Мотив двойничества, являясь ведущим в «Синдроме Петрушки», раскрывается и в отношении Лизы-Петра-Эллис, так как кукольный образ оживает для героев, замещая реальный. То есть, кукольный образ становится важнее настоящего.

Кукольность как элемент двойничества проявляется и на уровне хронотопа, в его театральности. Рубина строит описание по эмоциям, по запаху, по вкусу, придавая им наигранность благодаря полноте, точности и пестроты отобранного материала.

Рождественский Берлин, где «в морозном воздухе прорастали, свиваясь в пахучие сети, пряные запахи корицы, гвоздики, жареного миндаля; и горячий пар глинтвейна – лучшего в мире горячего для замерзшей утробы – возносился к войлочным небесам...».

Вьюга на Сахалине: «суровый сахалинский Босх дирижировал моими детскими снами, в которых я мучительно пытался преодолеть этот вой, этот вихрь, смертельную воронку белой всасывающей пасти» [1, с. 398].

Воспоминания о Львове «с чистыми мостовыми, розами, монашками на улицах... Еще ездили брички по мостовым – прямо слышу их веселое дробное цоканье...» [1, с. 268].

Действительность в романе, с опорой на метафорическую концепцию «Жизнь – театр», проявляется в слишком правильных описаниях, которые создают кукольную картину: все мило и тепло, ярко и радужно. Все весело, задорно, но немного излишне: все искусственно, люди лишь играют свои роли.

В своем интервью Дина Рубина говорит, что в романе «Синдром Петрушки» «Реальность двойится между куклой и человеком» [2]. Как мы разобрали ранее, у главных героев есть двойники-куклы: Петр уподобляется некоторыми чертами характера и внешне фольклорному Петрушке, героиня кукольных представлений Лиза заменяется дублером, марионеткой Эллис, ее точной копией.

Дина Рубина подмечает, что «тема двойничества, игры, замены, подмены существовала всегда. «Это замена моя, это подмена моя, это искупление мое» - древняя молитва еврейского народа в Судный день. Собственно, мир начался с двойственности. Бог создал человека по Своему образу и подобию. Мало того, сразу же создал ему пару. Ну и так далее. Я думаю, это один из вечных сюжетов. Человеку всегда хотелось заглянуть в иную реальность, сколько бы здравомыслящие особи над этим ни иронизировали» [3].

Заглянуть в иную реальность пытается и Петр Уксусов, создавая жизнь кукол, которые по мифологической идее принадлежат двум мирам. Кукольник создает подобие человека – куклу, как некогда Бог создал образ и подобие себя.

Список литературы

1. Рубина Д. Синдром Петрушки. М., 2011. 544 с.
2. Ващукова М. Интервью с Диной Рубиной "Между земель, между времен" // Сайт Дины Рубиной. 2010. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dinarubina.com/interview/kultura_tv_2010.html/ (дата обращения: 31.05.2019).
3. Рубина Д. О куклах и иной реальности. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://jewish.ru/culture/press/2011/01/news994292830.php/> (дата обращения: 31.05.2019).